

Thomas Moore

«Erin!

The Tear
and the Smile
in Thine Eyes...»

Томас
Мур

«Ирландия,

СМЕХ ТВОЙ
И СЛЕЗЫ В ГЛАЗАХ...»

me. Lather plain.
Lily shines & bows
late riding stream
upon her golden flowers
into and, mowed, mowed
to spend the time she had
my tales of those
all of the story
as with the lesson. Life of a night

me. Lather plain.
Lily shines & bows
late riding stream
upon her golden flowers
into and, mowed, mowed
to spend the time she had
my tales of those
all of the story
as with the lesson. Life of a night

me. Lather plain.
Lily shines & bows
late riding stream
upon her golden flowers
into and, mowed, mowed
to spend the time she had
my tales of those
all of the story
as with the lesson. Life of a night

Thomas Moore

«Erin!

The Tear
and the Smile
in Thine Eyes...»

Томас Мур

«Ирландия,

смех твой
и слезы в глазах...»

ЦЕНТР КНИГИ
РУДОМИНО
Москва 2011

WHAT DO WE MEAN BY “NATIONAL POET”...

The Irish Embassy to Russia and the Irish Literature Exchange are proud to support the bilingual publication of Thomas Moore's poetry. We are grateful to Ekaterina Genieva and her team for their painstaking efforts in assembling excellent examples of the work of Russian poets who translated Moore in the 19th and the 20th centuries.

I am personally grateful to a late colleague of ours in the Department of Foreign Affairs, Dr. Eoin MacWhite, who published original research on Irish – Russian cultural links (in Australia) and had a keen interest in the role of Thomas Moore. My discovery of some of Dr. MacWhite's authoritative notes in a drawer at our Embassy explains the confidence with which I express opinions in the present introduction!

In the 20th century, two Irish poets, Yeats and Heaney, were awarded the Nobel Prize for literature. Another of our Nobel Prize winners, Samuel Beckett, wrote poetry alongside his much more famous novels and plays. With such giant figures in the foreground, it is easy to forget that in the preceding century, Ireland's “national poet” (and most successful writer) was Thomas Moore.

What do we mean by “national poet”? We might begin by making a comparison between Moore and one of the giants of that or any other period, namely Alexander Pushkin: like Pushkin in his relations with the Dekabrist, Thomas Moore as a young man had close friends in idealistic political circles. He remained deeply aware ever afterwards of the political situation in Ireland, even if he avoided confrontation. We may surmise that Moore's literary work was his peaceful contribution to Irish national revival.

ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ, ГОВОРЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ»...

Посольство Ирландии в России и Ирландский Совет по сотрудничеству в области литературы были рады оказать поддержку этому двуязычному изданию поэзии Томаса Мура. Мы признательны Екатерине Гениевой и ее коллегам, проделавшим большую работу, представив в небольшом по объему сборнике замечательные образчики переводов поэзии Мура, принадлежащие русским поэтам 19–20 веков.

Моя особая благодарность нашему коллеге из Департамента иностранных дел д-ру Оуну Макуайту, опубликовавшему в Австралии первое исследование об ирландско-российских культурных связях, в котором он проявил пристальный интерес к роли Томаса Мура. Обнаруженные мною в архивах Посольства заметки д-ра Макуайта объясняют уверенность, с которой я высказываю здесь свои суждения.

В 20 веке Нобелевской премии по литературе были удостоены два ирландских поэта, Уильям Батлер Йейтс и Шеймас Хини. Еще один наш нобелевский лауреат, Сэмюэл Беккет, тоже писал стихи, хотя его романы и пьесы известны гораздо больше. Из-за присутствия в нашей истории таких гигантов несложно забыть о том, что в предыдущем веке «национальным поэтом» (и самым успешным писателем) Ирландии являлся Томас Мур.

Что я имею в виду, говоря «национальный поэт»? Прежде всего, мы могли бы провести параллель между Муром и одним из гигантов тех времен — гигантом всех времен! — Александром Пушкиным: как и Пушкин, связанный дружескими узами с многими декабристами, Томас Мур в молодые годы также имел близких друзей в кругах политиков-идеалистов.

Thomas Moore is most famous for his “Irish Melodies,” poems on universal themes set to old Irish airs. These melodies were published in a steady stream over several decades. They were so successful in Europe and the United States that Moore embarked on his “National Airs” — poems written to the traditional music of nations other than Ireland, such as Scotland, Italy, Portugal, Russia...

For “Lalla Rookh”, Thomas Moore was paid £3,000 in 1817, at that time by far the record sum for a book of poetry in the English language. “Lalla Rookh” is the story of a Mughal princess who travels far from home in order to marry. The narrative is constructed around four interlocking poems on oriental themes. One of these, “The Fire-Worshippers”, is an indirect treatment of English rule in Ireland.

Thomas Moore’s novel “Memoirs of Captain Rock” (1824) is an attempt to explain to a middle class audience in Britain why insurgency continues in Ireland and is even passed on within families from one generation to another. “Travels of an Irish Gentleman in Search of a Religion” (1833) enters directly into a delicate question that remained important in Irish public affairs.

Moore’s “melodies” were learned by heart in many countries and in time inspired composers such as Schumann, Glinka, Mendelssohn, and Britten. At one point Edgar Allan Poe identified Moore as the most famous poet in the world. Popularity apart, Thomas Moore did three very difficult things at one and the same time. He gave encouragement and self-belief to the least fortunate in Ireland, he developed cultural common ground between the destitute and the more privileged, and he successfully promoted a love of things Irish in the salons and country houses of England.

С тех самых пор Мур всегда внимательнейшим образом следил за политической ситуацией в Ирландии, даже если он избегал прямой конфронтации. Можно сказать, что деятельность на литературном поприще являлась для него возможностью собственного участия в ирландском национальном возрождении.

Наибольшую известность принесли Томасу Муру его «Ирландские мелодии» — цикл стихотворений, переложенных на старинные ирландские музыкальные темы. За несколько десятилетий эти стихи обрели в Европе и в Соединенных Штатах такую популярность, что Мур взялся за сочинение следующего цикла — «Мелодий разных народов» — который составили стихи, написанные на традиционные музыкальные темы Шотландии, Италии, Португалии, России...

В 1817 г. за «восточную повесть» «Лалла Рук» Томасу Муру заплатили три тысячи фунтов стерлингов — по тем временам небывалую сумму для поэтического сборника, изданного на английском языке. В повести рассказывается история индийской принцессы, отправляющейся в дальние края ко двору своего жениха. «Лалла Рук» включает четыре «экзотические» поэмы, одна из которых, «Огнепоклонники», косвенно соотносится с темой британского правления в Ирландии.

В книге «Записки капитана Рока» (1824) Томас Мур предпринял попытку объяснить среднему классу Британии, почему в Ирландии сохраняются повстанческие настроения и даже передаются в семьях от поколения к поколению. «Путешествия ирландского джентльмена в поисках религии» (1833) напрямую затрагивают заявленную в заглавии деликатную проблему, не потерявшую актуальности для общественной жизни Ирландии.

«Мелодии» Мура знали наизусть во многих странах, со временем они стали источником вдохновения для таких ком-

Melodies such as “The Harp That Once thro’ Tara’s Halls” and “The Minstrel-Boy” were a product of the cultural nationalism of the 1790s and early 1800s and in turn exercised an influence on the choice of the harp as the emblem of our independent Irish State. Thomas Moore’s generous and “inclusive” spirit is one of the sources of today’s Irish identity, in which essential elements include the accommodation in Northern Ireland, excellent relations with our neighbouring island, and engagement in Europe.

In August 1818, an official of the Imperial Russian Embassy in London D.N. Bludov sent some of Moore’s works to V.A. Zhukovsky, the court poet in St. Petersburg. In the 1820s and 1830s, Thomas Moore was known to every literary Russian. In January 1821, in Berlin, the Grand Duke Nicholas, later Nicholas I, took part in a *tableau vivant* of “Lalla Rookh.” The main part was played by Nicholas’s German wife, the future Empress — who became affectionately known at court as “Lalla Rookh.”

Interest in Moore was a Dekabrist tradition. A half-dozen of the Dekabrist leaders translated Moore. Many others expressed admiration of his work. M.P. Bestuzhev-Riumin, on being taken from his cell to hear his death sentence, threw a translation of one of Moore’s poems to his comrades in the prison square as a final souvenir.

The interest of the Dekabrists in Moore is also paralleled in later Russian history. Some of those involved with Dostoevsky in the Petrashevsky affair were translators of Thomas Moore (Mikhailov, Pleshcheev).

From the 18th century onwards, Russia’s interest in Irish literature was largely inspired by the potential read-across to

позиторов, как Шуман, Глинка, Мендельсон и Бриттен. Эдгар Аллан По называл Мура самым знаменитым в мире поэтом. Но, помимо завоевания популярности, Муру удалось одновременно решить три очень сложные задачи: он даровал веру в себя самым обездоленным жителям Ирландии; он создал общее для бедных и богатых культурное пространство; и он привил любовь ко всему ирландскому в английских гостиных и усадьбах.

Такие стихотворения как «Молчит просторный тронный зал» и «Молодой певец» возникли на волне культурного национализма 1790-х — начала 1800-х гг. и в свою очередь определили выбор арфы в качестве эмблемы независимого ирландского государства. Широка и духовная «всеобщность» произведений Томаса Мура представляют сегодня один из источников ирландской идентичности, неотъемлемыми слагаемыми которой являются урегулирование ситуации в Северной Ирландии, идеальные добрососедские отношения с Великобританией, а также участие в общеевропейских процессах.

В августе 1818 г. сотрудник Посольства Российской Империи в Лондоне Д.Н. Блудов направил несколько произведений Мура в Санкт-Петербург В.А. Жуковскому. В 1820-е — 1830-е гг. имя Томаса Мура становится в России известно каждому образованному человеку. В январе 1821 г., находясь в Берлине, великий князь Николай Павлович, впоследствии император Николай I, принимал участие в живых картинах на темы из «Лаллы Рук». Главную роль исполняла супруга великого князя, будущая императрица Александра Федоровна, после чего «Лалла Рук» стало в придворных кругах ее прозвищем.

Интерес к творчеству Мура проявляли и декабристы. Многие лидеры движения переводили произведения Мура,

conditions in Russia – beginning with Lomonosov's interest in Swift and Karamzin's translation of Oliver Goldsmith. Thomas Moore and his contemporary the orator Daniel O'Connell were of particular interest to Russian thinkers because they exemplified the role of culture and non-violent persuasion in creating the climate for reform. Right up to the Revolution of 1917, Russian writers paid close attention to Ireland, the common thread being the relevance of Ireland to questions of land reform, religious tolerance, and democracy. Partly this was a question of *Esopa yazik* – with the British government in the role of the Tsar and our Irish landlords in the role of the Russian nobility. But there was also a direct influence from Ireland. In the early 20th century both Balmont and Bryussov translated Oscar Wilde's "Ballad of Reading Gaol". Wilde's campaigning on prisons issues in the last years of his life can be compared to Chekhov's contribution to prison reform in Russia.

Oscar Wilde had written a Russian play, "Vera; or the Nihilists." Nor was *Esopa yazik* practised in one direction only. James Clarence Mangan's poem "Siberia" was a response to conditions in Ireland during the famine.

One other feature of Thomas Moore's long and varied literary career deserves mention here: Moore was the literary executor and biographer of his friend Byron. Lermontov translated some works of Moore's, but more significant is that Moore's biography of Byron played a part in persuading Lermontov to become a poet. It would be interesting to compare and contrast the influence of Byron and Moore in Russia – Byron the more radical in his perspective, Moore the more national.

Thomas Moore's fellow Dubliner and contemporary John Field became the most celebrated piano teacher in Moscow and St. Petersburg and was a distinguished composer in his

многие входили в круг его восторженных почитателей. М.П. Бестужев-Рюмин, покидая камеру перед вынесением ему смертного приговора, бросил своим товарищам по заключению перевод одного из стихотворений Мура в качестве прощального дара.

Схожий интерес к поэзии Мура обнаруживается и в более поздней российской истории — некоторые из членов кружка Петрашевского, например, Михайлов и Плещеев, также переводили его произведения.

Еще с 18 века интерес к ирландской литературе в России был в основном связан со сходством проблем в общественной жизни двух стран — начиная с увлечения Ломоносова Свифтом и переводов Оливера Голдсмита, сделанных Карамзиным. Томас Мур и его современник, выдающийся политический деятель Дэниэл О'Коннел, представляли для российской общественной мысли особый интерес, так как являлись образцом той роли, которую культура и ненасильственное убеждение могут сыграть в создании условий для проведения реформ. Вплоть до революции 1917 г. русские писатели уделяли Ирландии пристальное внимание, находя ее пример важным в том, что касалось вопросов земельной реформы, религиозной толерантности и демократии. Отчасти это был и вопрос использования «эзопова языка» — Британское правительство выступало в роли царя, а ирландские землевладельцы в роли русских дворян. Но было и прямое влияние Ирландии. В начале 20 в. Бальмонт и Брюсов переводят «Балладу Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда. Выступления Уайльда в последние годы жизни по вопросам содержания в тюрьмах сопоставимы с вкладом Чехова в тюремную реформу в России.

Уайльд написал «русскую» пьесу «Вера, или Нигилисты». Но «эзопов язык» использовался не только в одном направлении. Стихотворение Джеймса Кларенса Мэнгана

own right, a precursor of Chopin and Glinka. There is a plaque in his honour near the Philharmonia in St. Petersburg and also an elegant bust in the lobby of the Embassy of Ireland in Moscow.

We know that Field taught Moore's melodies to students. N.A. Markevich translated Moore and then studied under Field in order to write melodies of his own. However, the matching quality of Moore's and Field's contributions to Russia has been lost sight of, in part because the song-writer Moore has been overshadowed by later Irish poets.

One of the valuable consequences of the present publication is to show us that Thomas Moore, our modern Bard, deserves his place alongside John Field as a primary cultural link between Ireland and Russia.

Philip McDonagh
Ambassador of Ireland to Russia

«Сибирь» явилось реакцией на ситуацию, создавшуюся в Ирландии в связи с разразившимся в стране голодом.

В долгой и многогранной литературной деятельности Томаса Мура стоит отметить еще одно обстоятельство: он был биографом своего друга Байрона. Хорошо известно, что Лермонтов перевел несколько стихотворений Мура, но еще более значим тот факт, что написанная Муром биография Байрона сыграла свою роль в решении Лермонтова стать поэтом. Было бы интересно сравнить влияние, оказанное в России обоими поэтами: Байроном, как воплощением радикальных взглядов, Муром — как носителем национальной идеи.

Соотечественник и современник Томаса Мура, Джон Фильд, был самым известным в Москве и Санкт-Петербурге преподавателем игры на фортепьяно. Он также был выдающимся композитором, предшественником Шопена и Глинки. В его честь в Санкт-Петербургской Филармонии установлена мемориальная доска, а в Посольстве Ирландии в Москве находится его бюст.

Мы знаем, что Фильд учил своих студентов исполнять мелодии Мура. Н.А. Маркевич, переводчик поэзии Мура, впоследствии учился у Фильда писать такие мелодии. Однако, сегодня мало кто осознает истинный вклад Мура и Фильда в русскую культуру.

Значимость настоящего издания состоит в том, чтобы наглядно продемонстрировать один непереложный факт: Томас Мур, так же как и Джон Фильд, может заслуженно считаться одним из тех, кто заложил основы культурных связей между Ирландией и Россией.

Филип МакДона
Посол Ирландии в России

**ERIN! THE TEAR AND THE SMILE
IN THINE EYES**

Erin! the tear and the smile in thine eyes,
Blend like the rainbow that hangs in thy skies!
Shining through sorrow's stream,
Saddening through pleasure's beam,
Thy suns with doubtful gleam,
Weep while they rise.

Erin, thy silent tear never shall cease,
Erin, thy languid smile ne'er shall increase,
Till, like the rainbow's light,
Thy various tints unite,
And form in heaven's sight
One arch of peace!

ИРЛАНДИЯ, СМЕХ ТВОЙ И СЛЕЗЫ
В ГЛАЗАХ

Ирландия, смех твой и слезы в глазах,
Как яркая радуга на небесах.

Сияя росинками горя,
Печалась в лучистом просторе,
Светила твои, твои зори
Восходят в слезах.

Ирландия, слез не иссякнет река,
Твой смех будет грустен, улыбка горька.

Пока все цвета в твоей гамме
Не выстроят арку над нами
И радугой — Мира Вратами —
Не станут пока.

Перевод А. Ревича

WHEN HE, WHO ADORES THEE

When he, who adores thee, has left but the name
Of his fault and his sorrows behind,
Oh! say wilt thou weep, when they darken the fame
Of a life that for thee war resigned?
Yes, weep, and however my foes may condemn,
Thy tears shall efface their decree;
For Heaven can witness, tho' guilty to them,
I have been but too faithful to thee.

With thee were the dreams of my earliest love;
Every thought of my reason was thine;
In my last humble prayer to the Spirit above,
Thy name shall be mingled with mine.
Oh! blest are the lovers and friends who shall live
The days of thy glory to see;
But the next dearest blessing that Heaven can give
Is the pride of thus dying for thee.

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
Наместо славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?

Он жил с людьми, как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,
Тебе он верен был всегда;
Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

Перевод М. Лермонтова

THE HARP THAT ONCE THRO' TARA'S HALLS

The harp that once thro' Tara's halls
The soul of music shed,
Now hangs as mute on Tara's walls,
As if that soul were fled. —
So sleeps the pride of former days,
So glory's thrill is o'er,
And hearts, that once beat high for praise,
Now feel that pulse no more.

No more to chiefs and ladies bright
The harp of Tara swells;
The chord alone, that breaks at night,
Its tale of ruin tells.
Thus Freedom now so seldom wakes,
The only throbs she gives,
Is when some heart indignant breaks,
To show that still she lives.

МОЛЧИТ ПРОСТОРНЫЙ ТРОННЫЙ ЗАЛ

17

Молчит просторный тронный зал,
И двор порос травой:
В чертогах Тары отзвучал
Дух музыки живой.
Так спит гордыня прежних дней,
Умчалась слава прочь —
И арфы звук, что всех нежней,
Не оглашает ночь.

Напевы воинов и дам
В руинах не слышны —
Но иногда витает там
Звук лопнувшей струны:
Как будто Вольность, не воспев,
Отнев свои права,
Спешит сказать, сквозь боль и гнев,
Что все еще жива!

Перевод А. Голембы

AS A BEAM O'ER THE FACE OF THE WATERS MAY GLOW

As a beam o'er the face of the waters may glow
While the tide runs in darkness and coldness below,
So the cheek may be tinged with a warm sunny smile,
Though the cold heart to ruin runs darkly the while.

One fatal remembrance, one sorrow that throws
Its bleak shade alike o'er our joys and our woes.
To which life nothing darker or brighter can bring
For which joy has no balm and affliction no sting —

Oh! this thought in the midst of enjoyment will stay,
Like a dead, leafless branch in the summer's bright ray;
The beams of the warm sun play round it in vain,
It may smile in his light, but it blooms not again.

ЛУЧ ЯСНЫЙ ИГРАЕТ

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах.
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем: их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;
Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок!
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет сладостный свет;
Листок зеленеет, а жизни в нем нет!

Перевод И. Козлова

THE MEETING OF THE WATERS

There is not in the wide world a valley so sweet
As that vale in whose bosom the bright waters meet;
Oh! the last rays of feeling and life must depart,
Ere the bloom of that valley shall fade from my heart.

Yet it *was* not that nature has shed o'er the scene
Her purest of crystal and brightest of green;
'T was *not* her soft magic of streamlet or hill,
Oh! no, — it was something more exquisite still.

'T was that friends, the beloved of my bosom, were near,
Who made every dear scene of enchantment more dear,
And who felt how the best charms of nature improve,
When we see them reflected from looks that we love.

Sweet vale of Avoca! how calm could I rest
In thy bosom of shade, with the friends I love best,
Where the storms that we feel in this cold world
should cease,
And our hearts, like thy waters, be mingled in peace.

Едва ли есть места прекраснее долины,
Где воды чистые сливаются... О ты,
Долина чудная! Мне будут до кончины,
Век памятны твои душистые цветы.

Я о тебе храню в душе воспоминанье,
Не потому что так пестры твои луга,
Что рощи я люблю, ключей твоих журчанье, —
Есть нечто более, чем мне ты дорога.

Любимые друзья мои там прежде жили,
И памятью о них долина вся полна:
Природа нам милей в своей могучей силе,
Когда она в глазах друзей отражена.

Дай бог вернуться мне к тебе в иные годы
И встретить вновь друзей, когда житейской тьмы
Минуют наконец волненья и невзгоды
И, как ручьи твои, соединимся мы.

Перевод Д. Минаева

HOW DEAR TO ME THE HOUR

How dear to me the hour when daylight dies,
And sunbeams melt along the silent sea,
For then sweet dreams of other days arise,
And memory breathes her vesper sigh to thee.

And, as I watch the line of light, that plays
Along the smooth wave toward the burning west,
I long to tread that golden path of rays,
And think 't would lead to some bright isle of rest.

КАК Я ЛЮБЛЮ ПОСЛЕДНИЙ ОТБЛЕСК ДНЯ

23

Как я люблю последний отблеск дня,
Над тихим морем солнца угасанье;
Былые сны встают вокруг меня,
И шепчет свой укор воспоминанье.

Последние лучи по лону вод
Текут на запад пламенной рекою,
И хочется идти по ней вперед
И знать, что там — заветный край покоя.

Перевод Ю. Левина

THE ORIGIN OF THE HARP

'T is believed that this Harp, which I wake now for thee,
 Was a Siren of old, who sung under the sea;
 And who often, at eve, thro' the bright waters roved,
 To meet, on the green shore, a youth whom she loved.

But she loved him in vain, for he left her to weep,
 And in tears, all the night, her gold tresses to steep;
 Till heaven looked with pity on true-love so warm,
 And changed to this soft Harp the sea-maiden's form.

Still her bosom rose fair — still her cheeks smiled the
same —
 While her sea-beauties gracefully formed the light
frame;
 And her hair, as, let loose, o'er her white arm it fell,
 Was changed to bright chords uttering melody's spell.

Hence it came, that this soft Harp so long hath been
known
 To mingle love's language with sorrow's sad tone;
 Till *thou* didst divide them, and teach the fond lay
 To speak love when I 'm near thee, and grief when away.

Под ясною влагой морского залива —
Я слышал преданье — сирена жила.
И часто на берег, где зыблется ива,
Она выходила и друга ждала.

И слезы напрасно у бедной лилися
На темные пряди струистых кудрей,
И грустные вопли по ветру неслися,
Тревожа пловцов и почных рыбарей.

Но сжалилось небо: из тсла сирены
Явилася арфа, бела, как нарцисс,
А кудри скатились на гибкие члены
И, слезы роняя, струнами свились.

Года пролетели, но струпы все те же,
Все дышат любовью и нежной тоской,
И говор веселый становится реже,
Когда я дотронусь до арфы рукой.

Перевод И. Крешева

SHE IS FAR FROM THE LAND

She is far from the land where her young hero sleeps,
And lovers are round her, sighing:
But coldly she turns from their gaze, and weeps,
For her heart in his grave is lying.

She sings the wild song of her dear native plains,
Every note which he loved awaking; —
Ah! little they think who delight in her strains,
How the heart of the Minstrel is breaking.

He had lived for his love, for his country he died,
They were all that to life had entwined him;
Nor soon shall the tears of his country be dried,
Nor long will his love stay behind him.

Oh! make her a grave where the sunbeams rest,
When they promise a glorious morrow;
They'll shine o'er her sleep, like a smile from the West,
From her own loved island of sorrow.

В далекой стороне почил ее герой;
Вокруг нее — толпа поклонников живая, —
Она бежит от них, отчаянно рыдая
И сердце хороня в могиле дорогой.

Иль запоеет она: пленительные звуки
Напевов родины и льются, и дрожат —
А те, что внемлют им, и думать не хотят,
Что это уж не песнь, а стон сердечной муки!

Он жил лишь для нее — и пал за край родной:
Иной любви не знал он в жизни скоротечной;
Оплакивать его мы, братья, будем вечно —
Но ей не вынести разлуки гробовой.

Так выроем же ей могилу, где прощальный
Заката луч сулит безоблачный рассвет:
Пусть будет прах ее улыбкою согрет —
Любимой родины улыбкою печальной.

Перевод В. Лихачева

THE MINSTREL-BOY

The Minstrel-Boy to the war is gone,
In the ranks of death you'll find him;
His father's sword he has girded on,
And his wild harp slung behind him. —
“Land of song!” said the warrior-bard,
“Tho’ all the world betrays thee,
“*One* sword, at least, thy rights shall guard,
“*One* faithful harp shall praise thee!”

The Minstrel fell! — but the foeman's chain
Could not bring his proud soul under;
The harp he loved ne'er spoke again,
For he tore its chords asunder;
And said, “No chains shall sully thee,
“Thou soul of love and bravery!
“Thy songs were made for the pure and free,
“They shall never sound in slavery”.

На брань летит молодой певец,
Дней мирных бросил сладость;
С ним меч отцовский — кладенец,
С ним арфа — жизни радость.

«О, песней звонких край родной,
Отцов земля святая,
Вот в дань тебе меч острый мой,
Вот арфа золотая!»

Певец пал жертвой грозных сеч;
Но, век кончая юный,
Бросает в волны острый меч
И звонкие рвет струны:

«Любовь, свободу, край родной,
О струны, пел я с вами!
Теперь как петь в стране вам той,
Где раб звучит цепями?»

Перевод И. Козлова

COME, REST IN THIS BOSOM

Come, rest in this bosom, my own stricken deer,
Tho' the herd have fled from thee, thy home is still here:
Here still is the smile, that no cloud can o'ercast,
And a heart and a hand all thy own to the last.

Oh! what was love made for, if't is not the same
Thro' joy and thro' torment, thro' glory and shame?
I know not, I ask not, if guilt's in that heart,
I but know that I love thee, whatever thou art.

Thou hast called me thy Angel in moments of bliss,
And thy Angel I'll be, mid the horrors of this, —
Thro' the furnace, unshrinking, thy steps to pursue,
And shield thee, and save thee, — or perish there too!

Подойди, отдохни здесь со мною, мой израненный,
бедный олень,
Пусть твои от тебя отшатнулись, здесь найдешь ты
желанную сень.
Здесь всегда ты увидишь улыбку, над которой
не властна гроза,
И к тебе обращенные с лаской, неизменно родные
глаза!

Только в том ты любовь и узнаешь, что она
неизменна всегда,
В лучезарных восторгах и в муках, в торжестве и
под гнетом стыда,
Ты была ли виновна, не знаю, и своей ли, чужой ли
виной,
Я люблю тебя, слышишь, всем сердцем, всю, какая
ты здесь предо мной.

Ты меня называла Защитой, в дни, когда улыбались
огни.
И твоею я буду защитой в эти новые, черные дни.
Перед огненной пыткой не дрогну, за тобой, не
колеблясь, пойду
И спасу тебя, грудью закрою или рыцарем честно
паду!

Перевод К. Бальмонта

I SAW FROM THE BEACH

I saw from the beach, when the morning was shining,
A bark o'er the waters move gloriously on;
I came when the sun o'er that beach was declining,
The bark was still there, but the waters were gone.

And such is the fate of our life's early promise,
So passing the spring-tide of joy we have known;
Each wave, that we danced on at morning, ebbs from us,
And leaves us, at eve, on the bleak shore alone.

Ne'er tell me of glories, serenely adorning
The close of our day, the calm eve of our night; —
Give me back, give me back the wild freshness of
Morning,
Her clouds and her tears are worth Evening's best
light.

Oh, who would not welcome that moment's returning,
When passion first waked a new life thro' his frame,
And his soul, like the wood, that grows precious in
burning,
Gave out all its sweets to love's exquisite flame.

Я видел с берега, как утро просыпалось
И волны резвые челнок несли стрелой...
Настала ночь... звезда на небе зажигалась,
И я стоял опять над грустною волной...

Но гордый тот челнок она не уносила —
Уныло он лежал на берегу морском;
Волна капризная, как счастье, изменила,
Покинув бедного, отлив забыл о нем!..

Где наши лучшие надежды и желанья?
Они рассеяны, их ветер разметал,
Как листья... Мы одни и, заглушив рыдания,
Стоим и ждем — отлива час настал!..

О тихих радостях вы мне не говорите,
Ни о безоблачном закате наших дней...
Отдайте утро мне, Надежду мне верните
И грезу юности исчезнувшей моей!..

Перевод Л. Лебедевой

WHENE'ER I SEE THOSE SMILING EYES

Whene'er I see those smiling eyes,
    So full of hope, and joy, and light,
As if no cloud could ever rise,
    To dim a heaven so purely bright —
I sigh to think how soon that brow
    In grief may lose its every ray.
And that light heart, so joyous now,
    Almost forget it once was gay.

For time will come with all its blights,
    The ruined hope, the friend unkind,
And love, that leaves, where'er it lights,
    A chilled or burning heart behind: —
While youth, that now like snow appears,
    Ere sullied by the darkening rain,
When once 't is touched by sorrow's tears
    Can ever shine so bright again.

Когда мне светятся глаза, зеркало счастья,
Глядящие на жизнь так радостно, светло,
Как будто б никогда под облаком ненастья
Их небо чистое затмиться не могло,
Мне грустно: думаю, что в горе недалеком
Потухнуть может взор с весельем заодно
И сердце вольное забыть в боренье с роком,
Что с жизнью некогда играло и оно.

Так! Время в свой черед существенность прогонит:
В надсждах недочет и недочет в друзьях,
Любовь... но вслед за ней, где искру ни заронит, —
Иль пепел тлеющий, иль охладевший прах!
А юность светлая, на солнце жизни ясной
Блестящая, как снег, не тронутый дождем,
Когда в слезах тоски утратит блеск прекрасный,
Уж не разыграет вновь померкнувшим огнем.

Перевод П. Вяземского

SHE SANG OF LOVE

She sang of Love, while o'er her lyre
The rosy rays of evening fell,
As if to feed with their soft fire
The soul within that trembling shell.
The same rich light hung o'er her cheek,
And played around those lips that sang
And spoke, as flowers would sing and speak,
If Love could lend their leaves a tongue.

But soon the West no longer burned,
Each rosy ray from heaven withdrew;
And, when to gaze again I turned,
The minstrel's form seemed fading too.
As if *her* light and heaven's were one,
The glory all had left that frame;
And from her glimmering lips the tone,
As from a parting spirit, came.

Who ever loved, but had the thought
That he and all he loved must part?
Filled with this fear, I flew and caught
The fading image to my heart —
And cried, "Oh Love! is this thy doom?
"Oh light of youth's resplendent day!
"Must ye then lose your golden bloom,
"And thus, like sunshine, die away?"

Ты пела. Вечер чуть дыша
Бросал на струны отблеск алый,
И лиры чуткая душа
В лучах заката трепетала.
Касался луч твоя щеки,
Ласкал уста, что тихо пели,
Как алой розы лепестки,
Когда бы розы петь умели.

Но с приближеньем темноты
Лучи заката отгорели...
Казалось мне: твои черты,
Как этот вечер, потускнели.
Из глаз, как будто догорев,
Свет жизни тихо изливался,
И тихо призрачный напев
Из уст поблекших раздавался.

Кто знал любовь, тот, верно, знал
Разлуки вечное проклятье.
К тебе я в страхе подбежал
И заключил тебя в объятья.
И я воскликнул: «О любовь!
Весны сиянье благодатной!
Неужто ты померкнешь вновь
И догоришь, как луч закатный?!»

Перевод М. Бородицкой

THERE ARE SOUNDS OF MIRTH

There are sounds of mirth in the night-air ringing,
And lamps from every casement shown;
While voices blithe within are singing,
That seem to say "Come", in every tone.
Ah! once how light, in Life's young season,
My heart had leapt at that sweet lay;
Nor paused to ask of graybeard Reason
Should I the syren call obey.

And, see – the lamps still livelier glitter,
The syren lips more fondly sound;
No, seek, ye nymphs, some victim fitter
To sink in your rosy bondage bound.
Shall a bard, whom not the world in arms
Could bend to tyranny's rude control,
Thus quail at sight of woman's charms
And yield to a smile his freeborn soul?

Thus sung the sage, while, slyly stealing,
The nymphs their fetters around him cast,
And, – their laughing eyes, the while, concealing, –
Led Freedom's Bard their slave at last.
For the Poet's heart, still prone to loving,
Was like that rock of the Druid race,
Which the gentlest touch at once set moving,
But all earth's power could n't cast from its base.

ПОВСЮДУ — СМЕХ, ПОВСЮДУ — ПЕНЬЕ

Повсюду — смех, повсюду — пенье,
Огнями ночь озарепа,
И голоса, как наважденье,
Зовут из каждого окна.
Ах, как легко в былые лета
Душа летела в сладкий плен,
Не слыша мудрости совета,
На эти голоса сирен!

Звснят серебряные ноты,
И ночь сияет ярче дня...
Но нет, в душистые тенета
Вам, нимфы, не завлечь меня!
Ужсль, не покорясь тиранам
И гнету вспылчивой судьбы,
Поэт помчится за обманом,
Отдастся прелести в рабы?

Так пел поэт, певец мятежный,
Но нимфы, в круг объединясь,
Лукавых взоров цепью нсжной
Его опутали, смеясь.
Ведь бард подобен от рожденья
Обломку тех друидских скал,
Что, не сдаваясь принуждению,
Прикосновенью уступал!

Перевод Г. Крузикова

THOSE EVENING BELLS

(Air.—The Bells of St. Petersburg)

Those evening bells! those evening bells!
How many a tale their music tells,
Of youth and home and that sweet time
When last I heard their soothing chime.

Those joyous hours are past away;
And many a heart, that then was gay,
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells.

And so 't will be when I am gone;
That tuneful peal will still ring on,
While other bards shall walk these dells,
And sing your praise, sweet evening bells!

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(Колокола Санкт-Петербурга)

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Перевод И. Козлова

FARE THEE WELL,
THOU LOVELY ONE!

(Sicilian Air)

Fare thee well, thou lovely one!
 Lovely still, but dear no more;
 Once his soul of truth is gone,
 Love's sweet life is o'er.
 Thy words, what e'er their flattering spell,
 Could scarce have thus deceived;
 But eyes that acted truth so well
 Were sure to be believed.
 Then, fare thee well, thou lovely one!
 Lovely still, but dear no more;
 Once his soul of truth is gone,
 Love's sweet life is o'er.

Yet those eyes look constant still,
 True as stars they keep their light;
 Still those cheeks their pledge fulfil
 Of blushing always bright.
 'T is only on thy changeful heart
 The blame of falsehood lies;
 Love lives in every other part,
 But there, alas! he dies.
 Then, fare thee well, thou lovely one!
 Lovely still, but dear no more;
 Once his soul of truth is gone,
 Love's sweet life is o'er.

ДАВАЙ ЖЕ ПРОСТИМСЯ!

(Сицилийская мелодия)

43

Давай же простимся! Хоть ты хороша,
Желанной не станешь вновь.

Правды нет — и ушла душа,

А значит — ушла любовь.

Внимая медовым твоим речам,

Обманулся бы я навряд.

Но как не поверить твоим очам,

Как честен был нежный взгляд!

Что же, простимся! Пусть ты хороша,

Желанной не станешь вновь.

Правды нет — и ушла душа,

А значит — ушла любовь.

Ласковый взор твой — что в небе звезда,

Всё так же меня манит.

Всё так же готов румянец стыда

Залить белизну ланит.

Одно лишь неверное сердце твое

Виновно, что лгут слова.

В черточке каждой любовь живет,

Но в сердце, увы, мертва!

Что ж, распрощаемся! Ты хороша,

Но желанной не станешь вновь.

Правды нет — и ушла душа,

А с ней — умерла любовь!

Перевод И. Левидовой

OH, COME TO ME WHEN DAYLIGHT SETS

(Venetian Air)

Oh, come to me when daylight sets;
Sweet! then come to me,
When smoothly go our gondolets
O'er the moonlight sea.
When Mirth's awake, and Love begins,
Beneath that glancing ray,
With sound of lutes and mandolins,
To steal young hearts away.
Then, come to me when daylight sets;
Sweet! then come to me,
When smoothly go our gondolets
O'er the moonlight sea.

Oh, then's the hour for those who love,
Sweet, like thee and me;
When all's so calm below, above,
In Heaven and o'er the sea.
When maiden's sing sweet barcarolles,
And Echo sings again
So sweet, that all with ears and souls
Should love and listen then.
So, come to me when daylight sets;
Sweet! then come to me,
When smoothly go our gondolets
O'er the moonlight sea.

О, жизнь моя! Чуть день умрет,
Спеши, спеши ко мне,
Помчимся мы по глади вод
В гондоле при луне.

Когда в сиянии огней
Проснется сладкий шум,
Струна любви звенит нежней
И дремлет гордый Ум, —

Тогда и ты, чуть ночь сойдет,
Спеши, спеши ко мне,
Помчимся мы по глади вод
В гондоле при луне.

Когда вкусят стихии сон, —
Наступет час Любви;
Для нас с тобою создан он,
Лови его, лови!

Тогда разносятся с гондол
Среди прозрачной тьмы
Напевы страстных баркаролл:
Внимать им станем мы.

О, жизнь моя! Чуть день умрет,
Спеши, спеши ко мне,
Помчимся мы по глади вод
В гондоле при луне.

Перевод А. Курсинского

HARK! THE VESPER HYMN IS STEALING

(Russian Air)

Hark! the vesper hymn is stealing

O'er the waters soft and clear;

Nearer yet and nearer pealing,

And now bursts upon ear:

Jubilate, Amen.

Farther now, now farther stealing,

Soft it fades upon the ear:

Jubilate, Amen.

Now, like moonlight waves retreating

To the shore it dies along;

Now, like angry surges meeting,

Breaks the mingled tide of song

Jubilate, Amen.

Hush! again, like waves, retreating

To the shore, it dies along:

Jubilate, Amen.

ЧУ! ЗВЕНИТ В ТИШИ ВЕЧЕРНЯ...

47

(Русская мелодия)

Чу! Звенит в тиши вечерня
Над простором чистых вод,
И в прозрачной тьме вечерней
Звоп навстречу нам плывет.

Славься, славься!

Уплывает вдаль вечерня,
Нежным вздохом вдаль плывет.

Славься, славься!

Так прибой в уснувшем море
Замирает у земли,
Так поют, друг с другом споря,
Волны в сумрачной дали.

Славься, славься!

Чу! Как волны в шумном море,
Звуки замерли вдали.

Славься, славься!

Перевод Н. Голя

GAYLY SOUNDS THE CASTANET

(Maltese Air)

Gayly sounds the castanet,
    Beating time to bounding feet,
When, after daylight's golden set,
    Maids and youths by moonlight meet.
Oh, then, how sweet to move
    Thro' all that maze of mirth,
Led by light from eyes we love
    Beyond all eyes on earth.

Then, the joyous banquet spread
    On the cool and fragrant ground,
With heaven's bright sparklers overhead,
    And still brighter sparkling round.
Oh, then, how sweet to say
    Into some loved one's ear,
Thoughts reserved thro' many a day
    To be thus whispered here.

When the dance and feast are done,
    Arm in arm as home we stray,
How sweet to see the dawning sun
    O'er her cheek's warm blushes play!
Then, too, the farewell kiss —
    The words, whose parting tone
Lingers still in dreams of bliss,
    That haunt young hearts alone.

ПЕРЕСТУК КАСТАНЬЕТ

49

(Мальтийская мелодия)

Перестуку кастаньет
    Вторит четкий перепляс.
Серебрится лунный свет,
    Золотой закат погас.
Только солнечных лучей
    И не надобно тому,
Кто на свет родных очей
    Двигается сквозь полутьму.

На поляне пир горой,
    И светлее звезд ночных,
Тлеющих над головой,
    Свет ее очей родных.
И, к любимой наклонясь,
    Как чудесно повторить
То, что раньше не таясь
    Не случилось говорить.

Как чудесно, что потом
    На заре — домой идти
И, рука в руке, вдвоем
    Солнце встретить по пути!
Поцелуй, пожатысь рук...
    Не забыть прощальных слов,
Снова слышащихся вдруг
    Среди юношеских снов.

Перевод В. Орла

JOYS OF YOUTH, HOW FLEETING!

(Portuguese Air)

Whisperings, heard by wakeful maids,
To whom the night-stars guide us;
Stolen walks thro' moonlight shades,
With those we love beside us,
Hearts beating,
At meeting;
Tears starting,
At parting;
Oh, sweet youth, how soon it fades!
Sweet joys of youth, how fleeting!

Wanderings far away from home,
With life all new before us;
Greetings warm, when home we come,
From hearts whose prayers watched o'er us.
Tears starting,
At parting;
Hearts beating,
At meeting;
Oh, sweet youth, how lost on some!
To some, how bright and fleeting!

ГДЕ ВЫ, ДНИ ЮНОСТИ!

51

(Португальская мелодия)

Девичий шепот в тиши лесной,
Который, как звезды, манит.
Свидания тайные под луной
С той, чья любовь дурманит.
Сердечные речи
При встрече,
Жестокие муки
В разлуке,
Где вы, дни юности хмельной?
Вы от меня далече!

Годы странствий в земле чужой,
В далеских краях походы.
Радость объятий, когда домой
Являемся через годы.
Жестокие муки
В разлуке,
Сердечные речи
При встрече.
Юность хмельная уже не со мной!
Юность уже далече!

Перевод В. Лукина

WHEN FIRST THAT SMILE

(Venetian Air)

When first that smile, like sunshine, blest my sight,
    Oh what a vision then came o'er me!
Long years of love, of calm and pure delight,
    Seemed in that smile to pass before me.
Ne'er did the peasant dream of summer skies,
    Of golden fruit and harvests springing,
With fonder hope than I of those sweet eyes,
    And of the joy their light was bringing.

Where now are all those fondly-promised hours?
    Ah! woman's faith is like her brightness —
Fading as fast as rainbows or day-flowers,
    Or aught that's known for grace and lightness.
Short as the Persian's prayer, at close of day,
    Should be each vow of Love's repeating;
Quick let him worship Beauty's precious ray —
    Even while he kneels, that ray is fleeting!

КОГДА ТВОЕЙ УЛЫБКИ ЛУЧ ЗЛАТОЙ...

(Венецианская мелодия)

Когда твоей улыбки луч златой
Мне просиял, как дивное виденье,
Восторг любви, и счастье, и покой
Предстали предо мной в одно мгновенье.

Не грезит селянин о нивах и плодах
С такой горячей верой в чудо лета,
Как грезил я, когда в твоих глазах
Сверкали искры ласки и привета.

Но где же радость, что сулила ты?
Ах, верность женщины — поманит и обманет!
Опа, как полуденные цветы
С их яркой прелестью, тотчас же вянет.

И клятвы Красоте должны короче быть
Молитвы перса в час вечерних бдсний.
Спеши пред ней колени преклонить:
Пока молился ты — уже ступились тсни!

Перевод И. Левидовой

FAREWELL, THERESA!

(Venetian Air)

Farewell, Theresa! yon cloud that over
Heaven's pale night-star gathering we see,
Will scarce from that pure orb have past ere thy lover
Swift o'er the wide wave shall wander from thee.

Long, like that dim cloud, I've hung around thee,
Darkening thy prospects, saddening thy brow;
With gay heart, Theresa, and bright cheek I found thee;
Oh, think how changed, love, how changed art thou
now!

But here I free thee: like one awaking
From fearful slumber, thou break'st the spell;
'T is over — the moon, too, her bondage is breaking —
Past are the dark clouds; Theresa, farewell!

ПРОЩАЙ, ТЕРЕЗА!

55

(Из Мура)

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что темным покровом луну облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.

Как эти тучи, я долгою тенью
Мрачил твоё сердце и жизнь без забот:
Сошлись мы — как верила ты наслажденью,
Как верила счастьем — о Боже!.. И вот...

Теперь свободна ты, диво созданья, —
Скорее тяжёлый свой сон разгоняй;
Смотри, — и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют. — Тереза, прощай!

Перевод А. Фета

NO — LEAVE MY HEART TO REST

No — leave my heart to rest, if rest it may,
When youth, and love, and hope, have past away.
Couldst thou, when summer hours are fled,
To some poor leaf that's fallen and dead,
Bring back the hue it wore, the scent it shed?
No — leave this heart to rest, if rest it may,
When youth, and love, and hope, have past away.

Oh, had I met thee then, when life was bright,
Thy smile might still have fed its tranquil light;
But now thou comest like sunny skies,
Too late to cheer the seaman's eyes,
When wrecked and lost his bark before him lies!
No — leave this heart to rest, if rest it may,
Since youth, and love, and hope have past away.

Нет, успокоиться дай сердцу моему,
Коль может быть покой, когда уже увяла
Надежда светлая, а юность миновала,
Когда уже любовь давно чужда ему!
Скажи, когда прошло живительное лето,
Как оживить листок, как снова дать ему
И аромат его, и блеск, и яркость цвета?
Нет, успокоиться дай сердцу моему!

О, если прежде бы я встретился с тобою,
Когда горела жизнь во всей своей красе,
Тогда могла бы ты улыбкою одною,
Как солнце, озарить мои надежды все.
Теперь ты для меня блестишь, как свет лазури
Для взора кормчего, когда, убит тоской,
Он смотрит на ладью, разрушенную бурей,
Где все погребено, что он любил душой.

Перевод Н. Грекова

IF IN LOVING, SINGING

If in loving, singing, night and day
We could trifle merrily life away,
Like atoms dancing in the beam,
Like day-flies skimming o'er the stream,
Or summer blossoms, born to sigh
Their sweetness out, and die —
How brilliant, thoughtless, side by side,
Thou and I could make our minutes glide!
No atoms ever glanced so bright,
No day-flies ever danced so light,
Nor summer blossoms mixt their sigh,
So close, as thou and I!

Всегда любить, все время петь —
Когда бы жить могли мы впредь,
Как пляшут атомы в луче,
Тень мотылька скользит в ручье,
И дышат красотой цветы,
Чья смерть — цена их красоты, —
В забвенье, в близости какой
Наш век бы краткий тек рекой!
Так ярко атом бы не смог,
Не смог так плавно мотылек,
Так близко не смогли б цветы
Дыханье слить, как я и ты!

Перевод Ю. Мориц

THE LIGHT OF THE HARAM

Who has not heard of the Vale of CASHMERE,
 With its roses the brightest that earth ever gave,
 Its temples and grottos and fountains as clear
 As the love-lighted eyes that hang over their wave?

Oh! to see it at sunset, — when warm o'er the Lake
 Its splendor at parting a summer eve throws,
 Like a bride full of blushes when lingering to take
 A last look of her mirror at night ere she goes! —
 When the shrines thro' the foliage are gleaming half
shown,

And each hallows the hour by some rites of its own.
 Here the music of prayer from a minaret swells,
 Here the Magian his urn full of perfume is swinging,
 And here at the altar a zone of sweet bells

Round the waist of some fair Indian dancer is ringing.
 Or to see it by moonlight when mellowly shines
 The light o'er its palaces, gardens, and shrines,
 When the water-falls gleam like a quick fall of stars
 And the nightingale's hymn from the Isle of Chenars
 Is broken by laughs and light echoes of feet
 From the cool, shining walks where the young people
meet.—

Or at morn when the magic of daylight awakes
 A new wonder each minute as slowly it breaks,

ИЗ СКАЗКИ «СОЛНЦЕ ГАРЕМА»

На земле, меж богатствами мира,
Нет богаче долины Кашмира,
Нет роскошней нигде красоты.
Там леса ароматами полны,
Там струятся священные волны,
Круглый год расцветают цветы.

Если солнце, прощаясь с землею,
Догорает вечерней порою, —
Вся долина объята зарей
И, в зеркальных водах отражаясь,
Как невеста в цветы наряжаясь,
Ослепляет своей красотой.

Сквозь душистую зелень огнями
Блещет храм освещенный, и в храме
Баядерки поют, позабыв
В быстрой пляске все радости света,
И звучит с высоты минарета
Монотонный вечерний призыв...

А когда и дворцы, и мечети
Тонут в лунном серебряном свете,
Как торжественно станет кругом,
Как заискрятся волны каскада,

Hills, cupolas, fountains, called forth every one
Out of darkness as if but just born of the Sun.
When the Spirit of Fragrance is up with the day
From his Haram of night-flowers stealing away;
And the wind full of wantonness woos like a lover
The young aspen-trees, till they tremble all over.
When the East is as warm as the light of first hopes,
And day with his banner of radiance unfurled
Shines in thro' the mountainous portal that opes,
Sublime, from that Valley of bliss to the world!

Как таинственно шум водопада
Раздается в затишье ночном!

63

По садам, где над светлой рекою
Спят чинары густою толпою,
Где поет до зари соловей, –
Назпачаются тайные встречи,
И веселые юные речи
Слышны в сумраке тихих аллей.

Но едва заблестит перламутром
Над долиною раннее утро,
Покидая покров свой ночной,
В новом блеске проснется природа:
Золотят дворцы и пагоды,
Зеленеют сады над рекой.

Теплый ветер чинары колышет,
И всё негою, радостью дышит,
Всё в сиянии солнца блестит
И про славу и благодать пророка,
Про священные страны Востока,
Про счастливый Кашмир говорит!

Перевод И. Букина

УДК 820.111
ББК 84(4)-5
М 91

Издательство благодарит за помощь и поддержку в издании книги
Чрезвычайного и Полномочного Посла Ирландии в России
г-на Филиппа МакДонау

Мур Томас

М91 «Erin! The Tear and the Smile in Thine Eyes...» = «Ирландия, смех
твой и слезы в глазах...» [на английском языке с переводом на рус-
ский язык] / Thomas Moore = Томас Мур ; [составитель Ю.Г. Фрид-
штейн]. – М.: Центр книги Рудомино, 2011 – 64 с.

Сборник составлен на основе изданий поэзии Томаса Мура, подго-
товленных Л.И. Володарской.

ISBN 978-5-7380-0405-6

УДК 820.111
ББК 84(4)-5

Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-7380-0405-6

© Филипп МакДонау, предисловие, 2011

© Ю.Г. Фридштейн, составление, 2011

© ООО «Центр книги Рудомино», издание на русском языке,
оформление, 2011

Выпускающий редактор Г.С. Чередов

Ответственный редактор Ю.Г. Фридштейн

Художник П.К. Бем

Технолог С.С. Басипова

Оператор компьютерной верстки А.Ю. Бирюков

Оператор компьютерной верстки переплета

В.М. Драповский

Корректор А.Д. Нарышкин

Подписано в печать 7.11.2011. Формат 84x108/32
Тираж 250 экз. Заказ № 671.

ООО «Центр книги Рудомино»

109189, Москва, ул. Никольямская, д.1

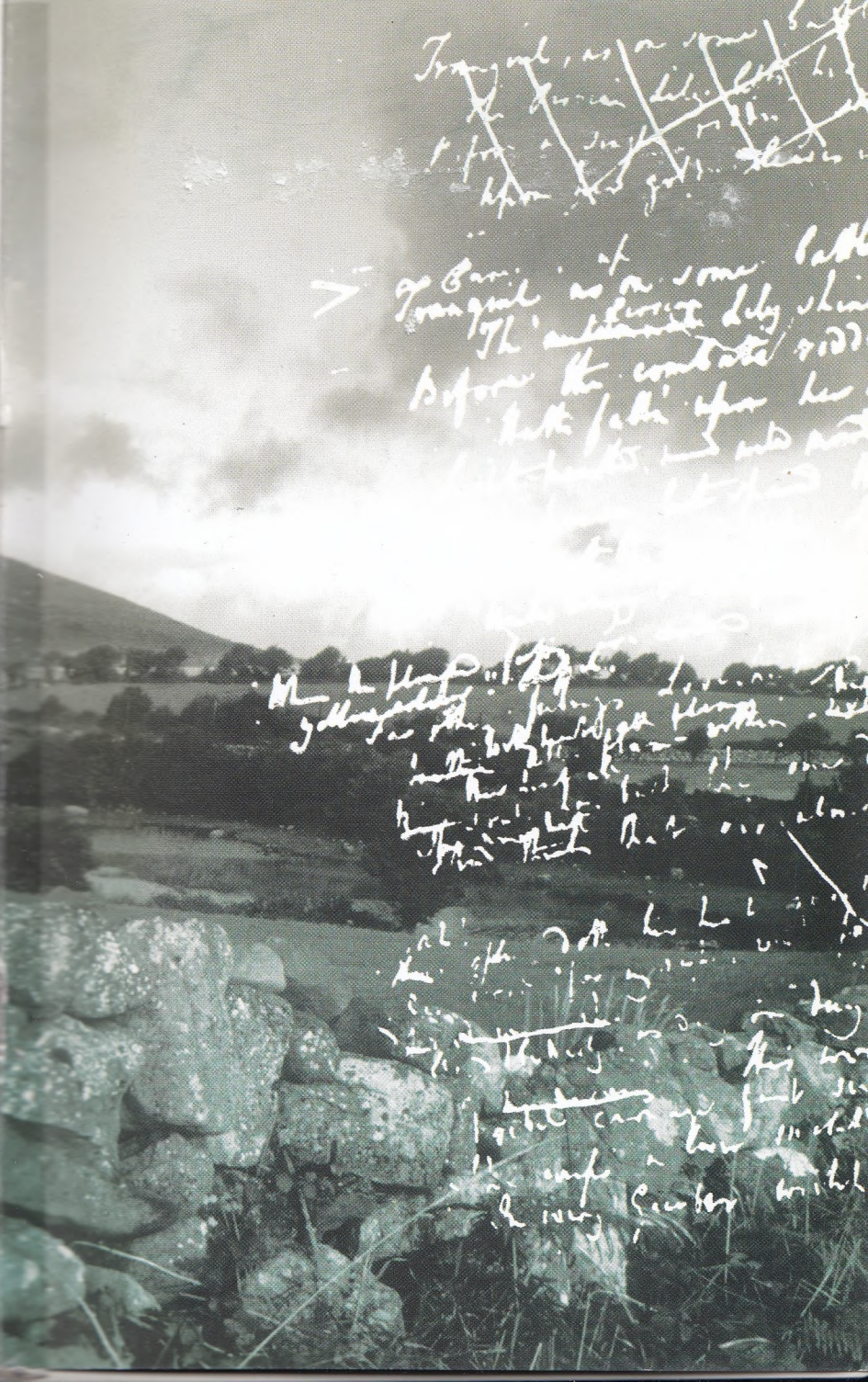
Отдел реализации издательства: (495) 915-35-18

e-mail: synkova@libfl.ru

Отпечатано ООО «ИПЦ Маска»

г. Москва, Научный проезд, 20

Tranquil, as a scene
The American lady
from a single
upon the gold. There is

> go Bar. as on some call
Tranquil, as on some call
The ~~unpleasant~~ lady
before the combat
The fall upon her
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady

The ~~unpleasant~~ lady
gallies
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady

The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady
The ~~unpleasant~~ lady

Слова Верлена «музыка прежде всего»

как нельзя более точно характеризуют поэтический и метафизический склад ирландской культуры, исполненной лиризма и неподдельной трагедийности – такой близкой России с ее безбрежными просторами и вечной загадкой формулы Ф.М.Достоевского «Красота спасет мир».

Екатерина Гениева

*Генеральный директор
Библиотеки иностранной
литературы*

Paul Verlaine's saying «music comes first»

sounds as a most precise characteristic to the poetical and metaphysical mould of Irish culture, which genuine sense of lyricism and tragedy is so similar to Russia, with its boundless space and the eternal enigma of Fyodor Dostoevsky's formula «Beauty will save the world».

Ekaterina Genieva

*Director General of Library
for Foreign Literature*

ЦЕНТР КНИГИ
РУДОМИНО